

Бальтазар Губмайер

Жизнь и богословские взгляды

В 2017 ГОДУ МЫ ОТМЕЧАЕМ 500-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ протестантской Реформации. Большое внимание уделяется таким лидерам Реформации как Мартин Лютер, Джон Кальвин, Ульрих Цвингли и другие, которых мы сегодня называем великими Реформаторами. Это вполне уместно, поскольку они твердо стояли за истину, оспаривали *status quo*, не повиновались властям и совершали много того, о чем многие из нас сегодня боятся даже подумать. Однако, если бы у нас была возможность спросить Лютера, Кальвина и Цвингли, то они первыми признали бы, что были не одиноки в своих мужественных деяниях и что было много других, которые также заслуживают наше внимание и восхищение сегодня.

Моя цель — осветить один из «других» голосов Реформации, не настолько известный, как его великие соратники, хотя и столь же важный для протестантской Реформации. Его звали Бальтазар Губмайер, и его также называют радикальным или анабаптистским реформатором. Термин «радикальный» происходит от латинского слова *radix* (корень), потому что Бальтазар Губмайер и другие его единомышленники придерживались мнения, о необходимости библейски обоснованного крещения во взрослом возрасте или перекрещения (после

первого крещения во младенчестве). Они попытались вернуться к корням новозаветного христианства. Их основанием было убеждение, что большая часть того, что произошло в Церкви в 325–1525 гг., было заблуждением. Имя анабаптисты относится к тем, кто практикует крещение взрослых, отрицает существование таинств (как обрядовых способов сообщения благодати), считает, что крещение и причастие были заповеданы как действия послушания Христу.

«Все хорошо, — подумаете вы, — вот только какая может быть польза от изучения того, кто жил задолго до эпохи автомобилей, интернета, смартфонов и т.д.?» В свое время я тоже задумывался об этом. И тогда я понял, что такая постановка вопроса таит в себе, по крайней мере, две проблемы. Во-первых, не учитывается то, что наши богословские основания сегодня не появились из ниоткуда. Наше понимание вероучения стоит на плечах всех наших предшественников, которые тщательно и методично решали различные проблемы и богословские вопросы, отсекая ересь и укрепляясь в твердом учении. Ясностью, которой мы пользуемся сегодня на многих богословских фронтах, мы обязаны обсуждениям и многочисленным трактатам, книгам, проповедям и диалогам прошлого. Вторая проблема в вышеупомянутом вопросе сводится к тому, что предполагается, раз мы живем на 500 лет позже, то наше понимание и практика библейских учений более развиты и, следовательно, ближе к Богу. Однако это не так в отношении Бальтазара Губмайера, и одна конкретная область его богословия, действительно заинтриговавшая меня, была его уникальным подходом к церковной дисциплине.

Более того, я искренне убежден в том, что Церковь 21-го века действительно может извлечь выгоду не только из более внимательного рассмотрения того, как Губмайер обучал церковной дисциплине, но также из применения его методов, чтобы подчеркнуть важность последовательной практики церковной дисциплины, пользуясь правом Церкви постанавливать и утверждать.

Теперь, когда интерес читателя пробужден, раскроем план этого краткого обзора жизни и служения Губмайера (основанный на моей книге, изданной в 2011 году, *Wounds That Heal: The Importance of Church Discipline Within Balthasar Hubmaier's Theology*, Eugene, OR: Pickwick Publications). Сначала мы изложим краткое жизнеописание Бальтазара Губмайера, оставив читателю рекомендации относительно дополнительных источников, которые содержат более подробное исследование жизни Губмайера. Далее мы рассмотрим основные богословские положения Губмайера, обсуждавшихся в его время, и в чем его взгляд расходится с убеждениями окружающих. В заключение мы подробно посмотрим на уникальный вклад Губмайера в область церковной дисциплины, оставив за читателями решение относительно применения идей Губмайера.

БИОГРАФИЯ ГУБМАЙЕРА

◆ Губмайер родился в начале или середине 1480-х годов в баварском городке Фридбурге, недалеко от Аугсбурга. Сохранилось мало фактов относительно ранней годов жизни Губмайера. У его родителей, вероятно, было достаточно средств, чтобы их сын мог обучаться в кафедральной школе в Аугсбурге, где он и начал свое

Бальтазар Губмайер (ок. 1480 – 1528) – лидер анабаптистов.
(Единственный известный портрет со старой гравюры).

раннее образование. Он был зачислен канцелярским студентом в университет Фрайбурга 1 мая 1503 года, а по окончании основного курса обучения поступил на богословский факультет под руководством Иоганна Экка (1483–1543), который позже стал, оппонентом Лютера в диспутах в Лейпциге (1519) и участником злополучного коллоквиума между протестантами и католиками, состоявшегося в Регенсбурге (1541). За исключением нескольких месяцев в 1507 году, когда он подрабатывал учителем в Шаффхаузене, Губмайер прожил в Фрайбурге почти девять лет.

В 1512 году он последовал за Экком в Ингольштадтский университет, где он был удостоен докторской степени в богословии и был назначен профессо-

ром. Вероятно, он был вторым самым успешным человеком (после Экка) в университете, проректором которого он стал в 1515 году. Во время пребывания в Ингольштадте Губмайер также проповедовал в церкви святой Марии.

Через четыре года в Ингольштадте Губмайер переехал в Регенсбург, где принял престижную должность капеллана. В Регенсбурге Губмайер присоединился к давнему антиеврейскому движению, которое с его помощью отвечало за выселение большей части еврейской общины из города. Долги перед евреями были забыты, а снесенная синагога была заменена новой часовней Прекрасной Марии. В процессе сноса главный каменщик, был погребен в руинах, предположительно смертельно раненный, а на следую-

ший день он появился на улицах в весьма потрепанном виде после случившегося. Его спасение считалось чудом и приписали деве Марии. Поспешно достроенная церковь стала прибежищем для паломников, и многие думали, что они получили исцеление или великое благословение от благодеяний Богородицы, потому что она была довольна изгнанием евреев и превращением синагоги в место поклонения христиан. Распространяющаяся весть о чудесах в часовне привлекала паломников со всей Германии, которые вдохновлялись страстными проповедями Губмайера, восхвалявшего духовные блага святых. В 1520 году, на пике паломничества, слава Губмайера достигла своего апогея, он стал известной личностью во всех южных районах Священной Римской империи, что привело в том же году на сто тысяч больше паломников. В качестве отступления можно сказать, что нам всем сложно понять, как такие благочестивые люди, как Губмайер и Лютер, могли участвовать в таких ужасных антисемитских спорах и действиях. Адольф Гитлер использовал аргументы Лютера и ссылался на труды реформатора в своем первоначальном восхождении к власти, оправдывая антисемитизм перед немецкой общественностью.

По непонятным причинам в 1521 году Губмайер резко оставляет свою популярную и выгодную должность в часовне Прекрасной Марии, чтобы стать проповедником в церкви святой Марии в крошечном провинциальном городке Вальдсхут, на приграничных землях Габсбургской Австрии. Именно в Вальдсхуте в 1521–1523 гг. Губмайер из популярного приходского священника преобразовался в уважаемого евангелического реформатора,

частично под влиянием посланий Павла и трудами Мартина Лютера. Осенью 1522 года Губмайер ненадолго вернулся на свою прежнюю должность в Регенсбурге, не отказываясь от своих обязанностей в Вальдсхуте, но спустя несколько месяцев он вернулся в Вальдсхут. Считается, что одной из причин краткого пребывания в Регенсбурге было приобщение Губмайера к лютеранской Реформации, преобразование случилось зимой 1522 года.

Вернувшись в Вальдсхут, близкое расположение возле Цюриха сыграло важную роль в богословском паломничестве Губмайера, поскольку богословие главного реформатора города, Ульриха Цвингли, оказалось более убедительной для Губмайера, чем богословие Лютера. В 1523 году проповедник Вальдсхута смело согласился с реформацией Цвингли в Цюрихе, принимая участие в октябрьском диспуте. Его приверженность богословию Цвингли закончилась в начале 1525 года, когда Губмайер отверг крещение младенцев и начал сближаться с анабаптизмом.

В субботу перед Пасхальным воскресением (15 апреля) в 1525 году он и еще шестьдесят сторонников были повторно крещены Вильгельмом Ройблином, а затем Губмайер крестил более трехсот своих прихожан в Вальдсхуте, используя ведро для молока. Поскольку анабаптистская реформа в Вальдсхуте совпала с крестьянской войной в Германии, Губмайер и городской совет поддержали и помогли крестьянской стороне, за что он лишился своей должности в том же году. Когда в декабре 1525 года войска Габсбургов заняли Вальдсхут, Губмайер и его жена, Элизабет Хёглин (они женились в январе предыдущего года),

были в бегах. Цюрих оказался их местом пребывания, поскольку окружавшие из австрийские войска отрезали движение в каком-либо другом направлении. Через четыре месяца мучений, в том числе лишения свободы и пыток по указанию Цвингли, отказа от анабаптистских взглядов, о чем Губмайер позже с горечью сожалел, он и его жена уехали из Цюриха.

Его следующим пристанищем был Аугсбург, где в мае 1526 года Губмайер крестил Ганса Денка. Однако три месяца спустя, в июле 1526 года, Губмайер прибыл в моравский город Никольсбург (Микулов), регион, который был более терпим к религиозному инакомыслию, чем и привлек большое количество анабаптистов. В течение нескольких месяцев умение и харизма Губмайера помогли создать в городе процветающее анабаптистское движение, насчитывающее более двух тысяч человек, в том числе и самого покровителя, князя Леонарда фон Лихтенштейна. Лидером группы стал Губмайер. Литературная деятельность Губмайера в Никольсбурге была очень плодотворной, где менее чем за год он опубликовал около пятнадцати трактатов, некоторые из которых были написаны еще во время проживания в Вальдсхуте.

Суматоха, частично вызванная широким распространением произведений Губмайера, а частично — мессианскими и коммунистическими взглядами среди наиболее экстремальных сторонников радикальных реформаторов, привлекла внимание короля Фердинанда Австрийского. Лихтенштейнцы не могли защитить своего великого лидера и его жену от ареста за его предполагаемую крамольную деятельность, связанную с Крестьянской войной. В 1527 году он был дос-

тавлен для допроса в замок Кройценштайн под Веной, где Губмайер, на этот раз непоколебимый во время пыток, был осужден как мятежный еретик и сожжен на костре в Вене 10 марта 1528 года. Через три дня его жена, непоколебимо преданная мужу и его принципам, были также осуждена и разделила его участь, утонув в Дунае.

Цель жизни Губмайера заключалась в искреннем стремлении к истине, ее поискам в соответствии с имеющимся у него светом. В конце концов, именно Слово Божье, согласно его разуму и сердцу, было единственным правильным путем для этого радикального реформатора, и он «чувствовал обязанным всецело отдать себя Ему». Преданный только Писанию, было известно, что в случае заблуждения Губмайер был готов исправляться по Слову Божьему, и что с таким желанием он не мог быть еретиком. Именно неизменная верность Слову Божьему стоила ему жизни.

БОГОСЛОВИЕ ГУБМАЙЕРА

Антропология

◆ Соглашаясь со средневековым богословским контекстом, Губмайер высоко ценит человека. Поэтому антропология Губмайера, помимо библейского основания, более опирается на средневековые мотивы, а затем на августинское понимание его наставников. Таким образом, его представление о человеческой природе особенно резко контрастируют с убеждениями Лютера и Кальвина. Антропология Лютера возвеличивает божественную благодать и делает невозрожденного человека полностью слепым и неспособным ответить ве-

рой даже на свободный дар спасения. Более того, для Лютера, позволить человеку участвовать в процессе спасения равнозначно идее спасения по делам. Однако Губмайеру были не понятны все те призывы в Евангелия, если человек не может услышать и ответить на них.

Хотя некоторые богословы называют антропологию Губмайера полупелагианской, я считаю, что ее следует называть полуавгустинианской. В богословии Губмайера присутствует определенная напряженность между Божьей благодатью и ответственностью человека, такое представление лидера анабаптизма соответствовало его пониманию общей идеи Писания. Если бы у Губмайера было больше времени и свободы, чтобы развить свое понимание этого вопроса, он бы более четко выразил свое учение о человеке, особенно в том, что касается вышеупомянутой напряженности.

Таким образом, антропология Губмайера сосредоточена на свободе воли, в схоластических категориях и сильной зависимости от мысли апостола Павла относительно разделения между плотью, душой и духом. Такая трихотомическая антропология позволяет ему утверждать, что люди не полностью развращены вследствие грехопадения и первородного греха. Радикальный реформатор, будучи трихотомистом, считает, что человек состоит из трех частей: духа, души и тела. Губмайер искренне верил, что таковым было простое учение Писания. С первых же строк его труда «Свобода воли», Губмайер приводит библейское обоснование своей трехчастной антропологии. Опираясь на свое толкование Матфея 26:41, особенно в отношении высказываний Иисуса о воли плоти и воли Духа, и

понимание Иоан. 1:13, Губмайер также утверждает, что каждая часть о трихотомической природы человека, а именно: *Seel, Geist* и *Leib* (т.е. душа, дух и тело) имеет свою волю: «воля плоти, которая не хочет страдать; воля души, желающая страдать, но из-за плоти не хочет; и воля духа, который сильно желает страдать».

Цель жизни Губмайера заключалась в искреннем стремлении к истине. Слово Божье было единственным правильным путем для него. Именно неизменная верность Слову Божьему стоила ему жизни.

Далее Губмайер разделяет свое учение о человеке на три этапа: «(1) состояние человека до грехопадения; (2) состояние человека после падения; и (3) состояние человека после возрождения через Христа». Поскольку до грехопадения все три составные человека были хорошими, согласно Быт. 1:31, их воля была в совершенной гармонии и была «полностью свободна в выборе добра или зла, жизни или смерти, рая или ада», позволяя человеку оставаться в этой «врожденной невинности и праведности всю вечную жизнь».

Грех Адама нарушил гармонию творения для всего человечества. После грехопадения Адама плоть была полностью разрушена, безвозвратно утратила доброту и свободу и становилась полностью «бесполезной и безнадежной до смерти». После грехопадения плоть потеряла всякую способность делать что-либо, кроме греха, посто-

янно стремится противостоять Богу и быть врагом Его заповедей. Таким образом, плоть и кровь не могут обладать Царством Божиим.

Только дух не был затронут грехопадением: «дух...остается правым, целым и благим. Ибо он ни советом, ни делом, ни поступком, ни непослушанием, не позволяял плоти вкушать запретный плод. Подобно узнику в теле, он должен был вкушать против своей воли». В качестве аргумента своего понимания целостности духа лидер анабаптистов обращается к новозаветному отрывку 1 Фес. 5:23.

Идея о том, что дух сохранил свободу играет важную роль в доктрине Губмайера об оправдании. Радикальный реформатор утверждал, что, поскольку человеческая природа обладает свободной волей, люди могут покаяться и принять предлагаемую им благодать. В процессе искупления душа соединяется с духом, и вместе они превращают плоть в своего заключенного.

Душа была раненной, утратив знание добра и зла и была «больна до смерти, так что она сама по себе не может выбрать ничего доброго». Однако радостной новостью для души будет то, что падшее состояние изменяет Слово Божье.

После возрождения во Христе плоть все еще неспособна делать что-либо доброе и полностью разрушена. Однако душа, которая становится свободной, имеет выбор, как будто становясь между плотью и духом. Дух, сам по себе не затронутый грехом Адама, также остается целым после возрождения, торжествуя и стараясь повлиять на душу, чтобы пленить плоть в послушание Христу. Губмайер утверждает, основываясь на таких отрывках

Писания, как Матф. 19:7 и Рим. 8:13, что истинное здоровье и свобода должны присутствовать в человечестве после возрождения, иначе люди не смогут выбрать Христа.

Такую свободу воли после возрождения человека не следует путать с пелагианством. Отличительная характеристика свободы воли, согласно Губмайеру, как утверждает Роберт Фридман, заключается в том, что это «только свобода «возрожденного человека», свобода божественной благодати», а не что-то «чисто нравственное». Господство Бога в деле спасения сохраняется в его богословии, в то же время ответственность человека не снимается.

Согласно трихотомической антропологии Губмайера закон Ветхого Завета играл разные роли для разных частей человека: для плоти закон был дан «для признания грехов; для духа в качестве помощи и свидетельства против греха; для души — свет, чтобы видеть и научиться праведному пути и бежать от греха и зла». Подобным образом, каждая часть человека по-разному реагирует на закон: плоть испугана, дух прыгает от радости, а верующая душа благодарит Бога за просветление, дарованное законом.

Бог-Отец, который по-новому смотрит на человечество из-за деяния Своего Сына Иисуса Христа, животворящим Словом, говорящим к сердцам людей, призывает всех людей без принуждения. Истинное преобразование жизни тех, кто обращается к Богу, осуществляется Словом Божиим через Святого Духа. Подобно тому, как люди не могут быть спасены, не услышав проповедованного Слова Божьего, только проповедованное Слово не может спасти людей без ра-

боты Духа в их сердцах. Сам Губмайер подчеркивает, что Дух Божий оживляет Слово Божье в нас, а «без работы Духа это лишь смертоносная буква».

Означает ли это, что антропология Губмайера содержит противоречие? Говорит ли он ради своего учения о свободе воли о частично развращенном человеке, в то же время утверждая, что мы бедные и несчастные грешники? Вероятно, ответ на этот вопрос заключается в его уникальном понимании веры. В толковании Губмайера Иоанна 6:29 (в труде «О христианском крещении») вера – дело Бога. В то же время в своей «Свободе воли», Губмайер пишет: «Бог создал вас без вашей помощи, но без вашей помощи Он не спасет вас». Такую многогранную концепцию веры Губмайер заимствует у своих средневековых предшественников, в частности представления о вере Габриеля Биля. Биль придерживался двойственного понимания веры: во-первых, как действие разума, инициированное волей, которое ведет разум в новую область знания и, таким образом, дает ему новую основу для познания; во-вторых, как вера приобретенная, которая не является продуктом собственного разума человека, а приходит извне, как дар Божий Бога.

Лютер, Кальвин и Цвингли отвергали первое определение веры, тем самым, в отличие от Бальгазара Губмайера, в их представлениях человек не имел ответственности отвечать на Божье действие, что стало возможным благодаря трихотомической антропологии анабаптистского реформатора.

¹⁾ Robert Friedmann, "On Mennonite Historiography and on Individualism and Brotherhood," *Mennonite Quarterly Review* 18, no. 2 (April 1944): 121.

Сотериология

◆ Для Губмайера «принятие перед Богом (или оправдание) – это судебное постановление Бога о том, кто на самом деле не святой; это принятие Богом праведности, которая уже присутствует, и это становится возможным благодаря возрождению и способности достичь совершенной праведности по благодати». Спасительный процесс в сотериологии радикального реформатора начинается с «внутреннего возрождения... в тот момент, когда человек надлежащим образом реагирует на Божье Слово» и «продолжается под руководством церкви, пока она или он не преобразятся в совершенно праведного человека». Лидер анабаптистов соглашается с общим представлением средневекового богословия, восходящим еще к Киприану, относительно того, что нет спасения вне Церкви.

Однако, если для средневековой церкви это было правдой, «потому что только в Церкви были таинства, необходимые для правильного ведения и получения спасения», для Губмайера, истинная причина заключалась в «наставнической и пастырской роли Церкви, которую Христос полностью передал только Церкви». Полвека назад Роберт Фридман противопоставил современный протестантский взгляд на спасение, как индивидуальное соглашение, с анабаптистским представлением шестнадцатого века; его идеи особенно полезны в понимании важной роли Церкви в сотериологическом понимании Губмайера:

²⁾ Robert Kreider, "Anabaptism and Humanism: An Inquiry Into the Relationship of Humanism to the Evangelical Anabaptists," *Mennonite Quarterly Review* 26, no. 2 (April 1952), с. 138.

... брат не нужен для спасения человека, за которое отвечает только личная вера...

Итак, главная идея анабаптизма, настоящего динамита в эпоху Реформации, насколько мне понятно, заключалась в том, что невозможно найти спасение, не заботясь о своем брате, что этот «брат» на самом деле имеет значение в личной жизни... Такая взаимозависимость лю-

Как пишет Роберт Крейдер, касательно доктрины оправдания, «анабаптисты приняли лютеранскую формулу оправдания верой, но они настаивали на том, чтобы эта вера была подтверждена новым характером»^[2]. Бальтазар Губмайер ясно излагает эту мысль в первом из «Восемнадцати тезисов»: «Только вера оправдывает нас перед Богом». Губмайер далее так же четко излагает данную идею в третьем тезисе:

Главная идея анабаптизма заключалась в том, что невозможно найти спасение, не заботясь о своем брате, что этот «брат» на самом деле имеет значение в личной жизни... Важна не «вера индивида», а братство, внимательная забота друг о друге, что было заповедано ученикам Христа, как путь в Царство Божье.

дей придает жизни и спасению новый смысл. Важна не «вера индивида» (для которой не нужна вера церковной организации), а братство, внимательная забота друг о друге, что было заповедано ученикам Христа, как путь в Царство Божье. Данное открытие сделало анабаптизм столь сильным и выдающимся во всей церковной истории^[1]. Церковная дисциплина позволила Церкви выполнить свою важную роль в процессе спасения. Таким образом, с самого начала рассмотрения сотериологии Губмайера, очевидно, что его учение о церковной дисциплине играет особенно важную роль в данной области его богословия.

«Такая вера не может быть праздной, но должна проявляться в благодарности Богу и во всех делах братской любви к другим»^[3]. Это «проявление благодарности» было известно другим анабаптистам как *Nachfolge Christi*, «ученичество по примеру Христа».

Таким образом, Губмайер, как кажется, не разделял спасение и ученичество; спасенные желали и, по сути, совершали свое спасение посредством этих «дел братской любви». «Дела братской любви» (по словам Губмайера) или «дела веры» (в терминологии Ганса Юрген-Герца) «были включены в процесс оправдания»^[4]. Иными словами, в согласии со своими анабаптистскими современниками, Губмайер

^[3] Ryan P. Klassen, "Wielding Two Swords: The Ecclesiology and Social Ethic of Balthasar Hubmaier" (M.A. Thesis, Providence Theological Seminary, 2005), с. 65. В наш век спасение можно обрести только в церкви. Когда Христос придет вновь, Он оценит решения церкви касательно дарования или лишения спасения людей на этой земле.

Некоторые постановления церкви будут одобрены, другие будут исправлены. Именно в таком контексте Классен понимает богословие Губмайера.

^[4] Hans Jurgen-Goertz, *The Anabaptists*, trans. Trevor Johnson (London: Routledge, 1996), с. 63.

учил, что плоды веры, т.е. дела послушания, являются не только результатом спасительной веры, они составляют суть спасительной веры¹⁵¹. Поэтому Губмайер и анабаптисты не придерживались разделения праведности-дела и не считали, что желание освящения — это просто божественный дар. Вместо этого, по словам Корнелиуса Дж. Дайка, они придерживались «понятия ученичества, исходящего просто из любви к Иисусу и уважения к заповеди Писания. Послушание было прежде всего ответом благодарности и отождествлением со Христом». Учитывая такое понимание оправдания и освящения, «становится очевидной искупительная функция церковной дисциплины». Церковная дисциплина посредством исправления помогает верующим сохранять любящее повиновение Христу.

Экклесиология

◆ Как упоминалось ранее, несмотря на большое сходство между анабаптистской экклесиологией и учением о Церкви Балтазара Губмайера, отличие между ними указывает, что Губмайер был независимым богословом, который, будучи под влиянием анабаптистской экклесиологии, сознательно решил, что основанием его богословия будет Слово Божье. В своем Катехизисе Губмайер дает наиболее четкое и полное определение церкви:

Иногда считают, что Церковь включает всех людей, собранных и объединенных в едином Боге, одном Господе, одной вере и одном кре-

щении, которые исповедовали веру своими устами, где бы они ни были на земле. Тогда это универсальная христианская церковь и общение святых, собранных только в Духе Божьем... В другое время под церковью понимается каждое отдельное собрание или приход, которым руководит один пастырь или епископ, и которая собирается телесно для обучения, крещения и Вечери

«Дела братской любви» или «дела веры» были включены в процесс оправдания. Губмайер учил, что плоды веры, т.е. дела послушания, являются не только результатом спасительной веры, они составляют суть спасительной веры.

Господней. Церковь, как дочь, имеет такую же власть связывать и развязывать на земле, как и универсальная Церковь, ее мать, когда она пользуется ключами согласно заповеди Христа, ее супруга и мужа.¹⁶¹

Этот текст, наряду со всеми другими ссылками на Церковь в произведениях Губмайера, прекрасно отражает важность учения церковной дисциплины в экклесиологии реформатора. Если, как было показано в данной работе, доктрина церковной дисциплины была важна в антропологии и сотериологии реформатора, насколько более она значима в его экклесио-

¹⁵¹ Josef J. Ludwig, "The Relationship Between Sanctification and Church Discipline in Early Anabaptism," *Evangelical Journal* 14 (Fall 1996): 82. Balthasar Hubmaier, "Eighteen Theses Concerning the Christian Life," in

Balthasar Hubmaier: *Theologian of Anabaptism*, trans. and ed. H. Wayne Pipkin and John H. Yoder (Scottsdale, PA: Herald Press, 1989), с. 32.

¹⁶¹ Mabry, *Doctrine of the Church*, с. 78.

логии. Настолько, что без церковной дисциплины не было бы доктрины церкви для Бальтазара Губмайера. Истину этого утверждения можно увидеть в его понимании реализации ключей как главной ответственности и обязанности Церкви на земле. Ключи, которые в сознании Губмайера были тесно связаны с таинствами, были, в свою очередь, связаны с различными этапами церковной дисциплины, иллюстрируют важность таинств в его экклесиологии.

Таинства, как Ключи Царства

◆ Из двух ключей, данных Церкви, первым был ключ к прощению, или для открытия дверей, когда Церковь применяла власть, дарованную Христом, чтобы открывать двери небес для грешника, который по-настоящему раскаивался в грехе, и принимать этого грешника в общину святых. Этот ключ был очень важен для Губмайера и анабаптистов, поскольку, по их мнению, он подтверждал, что их общины были действительно возрождены. Было два применения ключа для открытия или прощения: первоначальное прощение грехов тех, кто должен присоединиться к Церкви через крещение, и прощение грехов тех, кто ранее был отлучен^[7].

Второй ключ, который Христос дал Своей церкви, согласно Губмайеру, был ключ братского увещевания, осуществляемый через Причастие. С помощью этого ключа блуждающие верующие были отделены Вечери и, в худшем случае отлучены от членства в Церкви^[8]. Поэтому особый интерес в

понимании Губмайера церковной дисциплины в контексте его экклесиологии — это не только ее связь с двумя таинствами (крещением и Вечерей Господней), но в особенности ассоциация таинств с ключами. Таким образом, в эпоху Церкви, пока Христос еще не пришел в мир, ключи от Царства принадлежат вселенской Церкви, которая сама имеет право связывать и освобождать людей, постановления которой пребудут в вечности, и которая проявляет свою уникальную власть посредством таинств^[9].

Крещение. В пасхальный день, 16 апреля 1525 года, и в последующие три дня Бальтазар Губмайер крестил триста взрослых в Вальдсхуте водой из ведра для молока^[10]. Накануне этого он и еще шестьдесят человек были крещены Вильгельмом Ройблином. Крещение занимало важное место в богословии радикального реформатора, поэтому не случайно, что именно крещение было началом анабаптистской реформации в городке Вальдсхуте.

Крещение было особенно важным для радикального реформатора, о чем свидетельствует тот факт, что о крещении написано шесть из одиннадцати книг и трактатов, которые он посвятил таинствам. Можно точно утверждать, что Губмайер отвергал священный взгляд на крещение и Вечерю Господню своей материнской церкви, с другой стороны такое заявления кажется грубым упрощенчеством. Радикальный реформатор действительно отвергал католическое понимание крещения, как средства избавления от первородного греха^[11].

^[7] Указ. соч., с. 81.

^[8] Hubmaier, “Ban,” 414; Hubmaier, “Schriften,” с. 370.

^[9] Hubmaier, “Ban,” 411; Hubmaier, “Schriften,” с. 368.

^[10] Rollin Stely Armour, *Anabaptist Baptism: A Representative Study* (Scottsdale, PA: Herald Press, 1966), с. 19.

^[11] David C. Steinmetz, *Reformers in the Wings*, From Geiler von Kausersberg to

Губмайер также отрицал, что крещение и Вечеря Господня были таинствами, приносящими благодать *ex opere operato* (т.е. только на основании выполнения обряда). Тем не менее, на этом он не остановился. Он переосмыслил идею таинства: таинство не заключается в воде, хлебе или вине, оно — в решении человека участвовать в этих обрядах^[12]. Хотя Губмайер всегда утверждал, что оба таинства чрезвычайно важны для возрастания в святости, его отношение к крещению было точно описано Кирком МакГрегором: «Подобно тому, как свобода человека является обязательной составной богословия, крещение верующих — обязательное условие существования Церкви»^[13]. Сам Губмайер ясно выражает эту мысль в своем трактате «О христианском крещении верующих»: «Где нет водного крещения, нет ни Церкви, ни служителя, ни брата, ни сестры, ни братского увещания, ни отлучения, ни повторного принятия в Церковь»^[14].

Вера должна предшествовать крещению согласно богословию Губмайера. Он ясно излагает это во всех своих трудах, указывая на слова, записанные в Писании, и последовательность проповедь-вера-крещение в Великом поручении, и настаивая на том, что истинное крещение было крещением верующих^[15]. Таким образом, если вера была обязательной предпосылкой для крещения, а по мнению Губмайера (в отличие от Великих Рефор-

маторов), вера была не просто божественным даром, радикальный реформатор предпочел не практиковать или не одобрять крещение младенцев^[16]. Крещение, которому не предшествует вера, для Губмайера было недействительным. Причиной этому послужило ярое убеждение Губмайера в том, что спасает не водное крещение само по себе, но вера. Он ясно излагает это в своем «Диалоге с книгой о крещении Цвингли»: «мы хорошо знаем, что спасение не сводится ни к крещению, ни к делам милосердия. Не осуждается отсутствие крещения или злые дела, осуждается неверие. Губмайер передает те же чувства в своей работе «О проведении Вечери Христовой»: «Мы верим, не потому что мы были крещены в воде, а мы крещены в воде, потому что мы сперва поверили».

Губмайер различал три разных вида крещения в Писании: крещение Духом, водное крещение, которое рассматривается в данном разделе, и крещение кровью. Богословие крещения Губмайера содержит следующую последовательность: Слово Божье побуждает слушателя покаяться, внутреннее крещение «очищает сердце от злой совести» и только затем приходит «внешнее крещение», которое «лишь лицемерие»...без внутреннего крещения». Итак, говорится о водном крещении, Губмайер считал, что внутреннее крещение Духа уже произошло, а водное крещение только подтверждает крещение Духа. Следовательно, в

Theodore Beza, 2nd ed. (Oxford: Oxford University Press, 2001), 142.

^[12] Balthasar Hubmaier, “A Form for Water Baptism,” in Balthasar Hubmaier: Theologian of Anabaptism, trans. and ed. H. Wayne Pipkin and John H. Yoder (Scottsdale, PA: Herald Press, 1989), 391.

^[13] MacGregor, *European Synthesis*, 152.

^[14] Balthasar Hubmaier, “On the Christian

Baptism of Believers,” in Balthasar Hubmaier: Theologian of Anabaptism, trans. and ed. H. Wayne Pipkin and John H. Yoder (Scottsdale, PA: Herald Press, 1989), 127.

^[15] Mabry, *Doctrine of the Church*, 132.

^[16] Более подробно мнение Губмайера относительно крещения младенцев представлено в Armour, *Anabaptist Baptism*, 21–30.

богословии Губмайера, в отличие от традиционного средневекового богословия или убеждений Великих Реформаторов, внешнее крещение водой не приводит к внутреннему крещению Духа^[17].

Согласно Губмайеру, желание принять водное крещение присутствовало во всех крещенных Духом. Он также полагал, что водное крещение было открытым, внешним и видимым выражением послушания Господу теми, кто испытал личное, внутреннее и невидимое крещение Духом: «чтобы показать другим верующим во Христе свое сердце, разум, веру и намерение, он присоединяется к их братству и церкви... принимает и открыто свидетельствует о своей внутренней вере и позволяет себе креститься водой»^[18]. Таким образом, в понимании Губмайера крещение было способом, которым возрожденный человек мог засвидетельствовать реальность своей веры и подлинность его внутреннего возрождения в Церкви, которая не может видеть его сердце.

Водное крещение было серьезным шагом посвящения в богословии Губмайера: для крещения требовалась определенная степень подготовки, богословские познания и практическая святость, все критерии оценивал епископ, прежде чем представить человека Церкви для одобрения крещения. В своей работе «О проведении водного крещения» Губмайер заявляет, что «каждый, кто желает водного крещения, должен сначала предстать перед своим епископом, чтобы его спросили, достаточно ли он наставлен

в вопросах закона, Евангелии, вере и доктринах касательно новой христианской жизни»^[19].

Значение самого крещения, по словам Губмайера, заключалось в том, что в нем содержится много богословских истин, с которыми соглашается новый член церкви, и которые он провозгласит своим участием в этом таинстве. Губмайер верил, что первая и самая важная причина водного крещения состояла в том, что это была заповедь Христа. Во-вторых, водное крещение для Губмайера было исповеданием грехов^[20]. Поскольку при внешнем водном крещении открыто признается внутренняя вера, первая часть этой исповеди — это признание того, что человек является грешником^[21]. В-третьих, для Губмайера водное крещение, согласно мнению Мабри, также является «свидетельством веры в то, что после прощения человек примирился с Богом»^[22]:

Крещение в воде...это не что иное, как открытое признание... в котором человек... признается в своей вине... и в то же время полностью верит, что Христос простил ему грех через Свою смерть и оправдал его через свое воскресение перед лицом Бога, нашего Небесного Отца^[23].

В-четвертых, водное крещение, в трудах Губмайера, является признаком присоединения возрожденного человека к общине святых. Данное приобщение было сознательным решением, принятым новым верующим и сообщенным местной церкви, где крещаемый не пассивный участник, так как он активно стремится к приобщению.

^[17] Mabry, *Doctrine of the Church*, с. 138.

^[18] Hubmaier, "Christian Baptism," с. 117; Hubmaier, "Schriften," с. 136.

^[19] Hubmaier, "A Form for Water Baptism," 387; Hubmaier, "Schriften," с. 349.

^[20] Mabry, *Doctrine of the Church*, с. 139.

^[21] Указ. соч.

^[22] Указ. соч., с. 140.

^[23] Hubmaier, "Christian Baptism," 100; Hubmaier, "Schriften," 122.

Таким образом, к водному крещению в понимании Губмайера активно стремится тот, кто полностью осознает его значение. В таком смысле крещение призвано обеспечить большую ответственность нового верующего перед Церковью. В-пятых, водное крещение, согласно Губмайеру, является открытой приверженностью и согласием с заветом, который новый верующий заключает с Богом и перед Церковью, обещая жить, активно возрастая в освящении. Исследование Армора подтверждает эту мысль, когда автор говорит, что «Губмайер рассматривал крещение как личное обещание человека быть верным и послушным Христу, обещание, данное в христианской *Gemeinde* (общине), но сделанное индивидуумом»^[24]. Таким образом, крещение было залогом того, что новый верующий обещал Церкви жить святой жизнью, что, следовательно, допускало право Церкви дисциплинировать его, если он отклонится от своего намерения. По словам самого Губмайера обетование крещения

...это обязательство, сделанное перед Богом открыто и устно перед общиной, в которой крещаемый человек отрекается от сатаны..., обещает, что отныне его вера, надежда и доверие принадлежат исключительно Богу, и управляет своей жизнью согласно Божественному Слову силой Иисуса Христа, Господа нашего, и если он не выполняет это, он тем самым

обещает церкви, что он послушно примет братскую дисциплину от нее и ее членов^[25].

Вечеря Господня. Касательно Вечери Господней Губмайер, как и большинство анабаптистов того времени, отвергли как католическую идею о пресуществлении^[26], так и более «скромные представления о Вечере, как таинстве в лютеранском или кальвинистском смысле»^[27]. Физическое тело и кровь Христа не могли присутствовать в вине и хлебе, согласно реформатору из Вальдсхута, поскольку Христос вознесся на небо и даже теперь сидит одесную Бога Отца. Эта интерпретация христологии, игнорируя доктрину Лютера о вездесущности Христа и его способности быть в любом месте, позволила Губмайеру противостать идее физического присутствия Христа в святых дарах Вечери Господней. Однако нельзя сказать, что Губмайер просто не знал о способности Христа быть везде, как это подразумевается и исправляется, например, в работе Мабри^[28], поскольку такое умозаключение явно недооценивает мысль реформатора. Ремпель умело исправляет это упрощение мысли Губмайера, заявляя, что «хотя Губмайер нигде не отрицает присутствия божественной природы Христа в ходе истории, он не использует эту догму для построения своего понимания Вечери Господней»^[29]. После вознесения Христа Святой Дух играет главную роль в вопросе божественного присутствия в церкви, согласно

словлял священные дары, они буквально превращались в тело и кровь Христа. Участие верующий, согласно такой точке зрения, было необходимо, чтобы точно получить прощение грехов..

^[27] Rempel, *The Supper*, с. 63.

^[28] Указ. соч. с. 170–71.

^[29] Rempel, *The Supper*, с. 54.

^[24] Armour, *Anabaptist Baptism*, 40.

^[25] Balthasar Hubmaier, “A Christian Catechism,” in *Balthasar Hubmaier: Theologian of Anabaptism*, trans. and ed. H. Wayne Pipkin and John H. Yoder (Scottsdale, PA: Herald Press, 1989), 350–51; Hubmaier, “Schriften,” 314–15.

^[26] В тот момент, когда священник благо-

Губмайеру. Касательно Вечери Господней Губмайер утверждал, что Христос присутствует с верующим в Причастии только через воспоминание^[30].

Подобно крещению, по мнению Губмайера, Вечеря Господня содержит богословский смысл, которому следует надлежащим образом научить и объяснить участникам. Желание радикального реформатора обосновать свое богословие на Писании привело к тщательно прописанному сценарию того, как следует наставлять верующих до их участия в Причастии.

В начале служения священник должен был сесть и научить людей из Писания о Христе, Его смерти и страданиях и о том, как это связано с их жизнью^[31]. Чтобы члены церкви правильно понимали значение Вечери и серьезный характер их добровольного участия в ней, Губмайер отвел время для обсуждения после времени обучения. Здесь возможность была представлена в рамках некоторых конкретных параметров^[32], как мужчины в церкви задают вопросы относительно предшествовавшего научения^[33].

Наконец, до непосредственного участия в Вечере, Губмайер отводил время для самоанализа. После строгого наставления священника, основанного на предупреждении Павла в 1 Кор. 11, верующие, участвующие в Вечере, должны были оценить себя в нескольких разных областях, чтобы убедиться в готовности к обряду.

^[30] Mabry, *Doctrine of the Church*, с. 172.

^[31] Hubmaier, "A Form for Supper," сс. 394–95; Hubmaier, "Schriften," с. 356.

^[32] За исключением «легкомысленной, бесполезной или спорную болтовни», а также того, что относится к «всемогуществу или тайне Бога или будущего времени». Все должно быть сделано степенно, когда люди говорили по очереди. Согласно наставлениям Павла в 1 Кор. 11 и 1 Кор. 14 женщины

Пройдя такую основательную подготовку к Вечере, верующим разрешалось участвовать в священной трапезе^[34]. Их участие в Причастии, как упоминалось ранее, было утверждением некоторых важных богословских истин в соответствии с пониманием Губмайера. Во-первых, Вечеря Господня для Губмайера, подобно вопросу о водном крещении, не сообщала благодать, а была воспоминание о страданиях Христа^[35]. Верующим нужно было напоминать об этом, как пишет об этом Губмайер в трактате «О проведении Вечери Христа», где по окончании Вечери священник должен был провозгласить следующее: «Дорогие братья и сестры в Господе. Только что мы имели общение друг с другом, когда приняли хлеб и питье в память о страданиях и пролитой крови нашего Господа Иисуса Христа для прощения наших грехов было общение друг с другом...»^[36]. В воспоминании верующие принимали участие в страданиях Христа и напоминали о своей решении во время крещения жить святой жизнью.

Во-вторых, как воспоминание о страданиях Христа, Вечеря Господня была также подтверждением или свидетельством со стороны верующих о своей готовности принести свои тела и пролить свою кровь ради братьев и сестер. Таким образом, Вечеря Господня является не только воспоминание о жертве Христа для верующих, но и обязательством практиковать

должны молчать в церкви.

^[33] Hubmaier, "A Form for Supper," сс. 395–96; Hubmaier, "Schriften," с. 356.

^[34] Подробное и обширное исследование того, как Губмайер относился к литургическому празднованию Вечери Господней, см. Rempel, *The Supper*, сс. 74–78.

^[35] Mabry, *Doctrine of the Church*, с. 166.

^[36] Hubmaier, "A Form for Supper," с. 405; Hubmaier, "Schriften," с. 363.

активное общение с целью пожертвовать своей жизнью ради общины верующих. В своем монументальном исследовании Радикальной Реформации Уильямс отмечает, что в богословии Губмайера «если крещение верующих является обещанием Христу, то Вечеря — взаимное обещание друг к другу»^[37]. В завершение Вечери священник напоминал всем собравшим-

подней «соответствующим потребностям преследуемой церкви, находящейся под угрозой мученичества»^[39]. Ремпель далее отметил, что такое особое евхаристическое учение Губмайера не только «помогло преследуемым христианам найти смысл в таких обстоятельствах; оно также подготовило верующих к тому, чтобы быть верными Христу до самой смерти»^[40].

Вечеря Господня является не только воспоминание о жертве Христа для верующих, но и обязательством практиковать активное общение с целью пожертвовать своей жизнью ради общины верующих. В богословии Губмайера «если крещение верующих является обещанием Христу, то Вечеря - взаимное обещание друг к другу».

ся в трактате Губмайера «О проведении Вечери Христа», о решении, которое они только что подтвердили своим участием в Причастии:

Так как мы только что ели хлеб и пили вино в память о страданиях и пролитой крови нашего Господа Иисуса Христа... мы все стали одним хлебом и одним телом, а наша глава — Христос, потому мы должны надлежащим образом подчиняться нашей Главе и, будучи Его членами, следовать за ним, любить друг друга, делать добро, давать советы и помогать друг другу, каждый жертвуя своим телом и кровью за других^[38].

Благодаря этому обещанию пожертвовать своей жизнью ради единоверцев, по мнению Ремпеля, Губмайер сделал свое богословие Вечери Гос-

В-третьих, Вечеря Господня в писаниях Губмайера служила открытым свидетельством всему миру, что участники Вечери, были истинными учениками Христа^[41]. Радикальный реформатор писал в «О проведении Вечери Христа»:

Именно на такое общение и посвящение указывает Вечеря Христа, как живое воспоминание Его страданий и смерти за нас. В духовном смысле, когда преломляем хлеб, проливаем вино, каждый должен также жертвовать своим телом и проливать свою кровь ради других. Посему люди узнают, что мы действительно ученики Христа^[42].

Таким образом, для Губмайера Вечеря Господня была наглядным напоминанием о завете, в который вступает крещаемый. Этот завет, который в

^[37] George Huntston Williams, *The Radical Reformation*, vol. XV of *Sixteenth Century Essays & Studies*, 3rd ed., gen. ed. Charles G. Nauert, Jr. (Ann Arbor, MI: Edwards Brothers, 1992), с. 337.

^[38] Hubmaier, "A Form for Supper," с. 405; Hubmaier, "Schriften," с. 363.

^[39] Rempel, *The Supper*, с. 88.

^[40] Указ. соч.

^[41] Mabry, *Doctrine of the Church*, с. 167.

первую очередь заключался между членом церкви и Богом, был обязательством, сделанным при крещении любить, чтить и служить Богу, подчиняясь Его воле согласно Его Слову^[43]. Во-вторых, завет при крещении, в котором напоминала Вечера, также заключался между новым членом и церковью. Перед церковью новый член при крещении обещал любить своих братьев и быть готовым пролить свою кровь ради них^[44]. В-третьих, Вечера Господня была и напоминанием, и подтверждением согласия, данного при крещении, быть дисциплинированным церковью, если новый верующий не выполнит первые два обязательства.

Церковная дисциплина

◆ В мысли Губмайера процесс дисциплины разделяется на два этапа: братское увещание, о котором говорится в его трактате «О братском предупреждении»^[45], а также запрет, известный также как отлучение, очерченный в его трактате «О христианском отлучении»^[46]. Губмайер был убежден, что каждый верующий в момент крещения согласился и принял на себя обязательство быть увещаемым^[47].

Цель церковной дисциплины Губмайера имела четыре аспекта, первые три были упомянуты ранее: во-первых, чтобы Церковь была чистой и незапятнанной позором перед внешним миром; во-вторых, чтобы оберегать верующих от преткновения и приобщения к греховным делам; и в-третьих, чтобы побудить согрешившего

покаяться и в конечном итоге вернуться в лоно Церкви. Четвертая цель учения Губмайера о церковной дисциплине, согласно моим исследованиям, состоит в том, чтобы соединить остальные части его богословия воедино и с помощью дисциплины применить богословие на практике.

Ни один другой богослов до настоящего времени не включал идею церковной дисциплины во все области своего богословия так, как это сделал Бальтазар Губмайер. Таким образом, в эпоху, когда во многих наших церквях отсутствие библейской дисциплины в церкви часто осуждается, вопле логично обратиться к богословию анабаптистского реформатора, чтобы извлечь из него преимущества интеграции практики церковной дисциплины в доктрину о Церкви. Вечный призыв к христианской Церкви заключен в словах Губмайера: «Пусть с Божьей помощью братское увещание будет не только в обучении, но и на деле».

Дополнительные источники

- Balthasar Hubmaier the Leader of the Anabaptists* by Henry C. Vedder
- Balthasar Hubmaier: Theologian of Anabaptism (Classics of the Radical Reformation)* by H. Wayne Pipkin
- On The Sword ((Anabaptist Writings)) (Volume 1)* by Balthasar Hubmaier
- The Anabaptists: Extracts from the writings of various authors (Anabaptist Writings) (Volume 2)* by Balthasar Hubmaier and Hans Denk
- Balthasar Hubmaier's Doctrine of the Church* by Eddie Mabry
- Balthasar Hubmaier and the Clarity of Scripture: A Critical Reformation Issue* by Graeme R. Chatfield and Diarmaid MacCulloch
- Balthasar Hubmaier: Anabaptist theologian and martyr* by Torsten Bergsten.